

Отзыв оппонента,

доктора филологических наук, чл.-корр. РАН Дыбо Анны Владимировны на диссертацию М.В. Бавуу-Сюрюн "История формирования диалектов и говоров тувинского языка", представленную на соискание ученой степени доктора филологических наук по специальности: 10.02.20 – сравнительно-историческое, типологическое и сопоставительное языкознание

Всем, интересующимся тюркскими языками Южной Сибири очевидна необходимость разработки темы, которой посвящена диссертация М.В. Бавуу-Сюрюн. В ней мастерски упорядочены все наличествующие данные по диалектам тувинского языка (в том числе гигантские полевые материалы самого автора), что позволяет получить фундаментальные результаты: выработать общие принципы классификации тувинских диалектов. Эти принципы позволяют связывать лингвистические данные с соответствующими им историческими и получить предварительную общую картину. В этой картине тувинской диалектологии обнаружены основные лакуны, что даёт автору возможность намечать дальнейшие направления исследований.

Очевидна научная новизна работы, в которой впервые поставлена и решена задача обобщения информации по структурным и материальным особенностям диалектов и говоров тувинского языка и выделены интегральные и дифференциальные признаки (основные изоглоссы), объединяющиеся в пучки и разграничивающие территорию, занимаемую диалектами.

В результате проведенного анализа автором получены следующие результаты:

- единообразно описаны языковые особенности фонетики, морфологии, синтаксиса и лексики внутренних и зарубежных тувинских диалектов;
- в основном установлено происхождение каждой из этих особенностей на основе внутрисистемного анализа и сравнения с материалом как древнетюркских языков, так и других современных тюркских языков Южной Сибири;
- установлены различные принципы, с помощью которых могут быть расклассифицированы диалекты и говоры тувинского языка;
- созданы диалектологические карты языковых явлений, существенных для классификации тувинских диалектов;
- под руководством автора создан электронный диалектологический словарь тувинского языка.

Обоснованность и достоверность результатов обеспечивается опорой на сравнительно-исторический, лингвогеографический, исторический и этнолингвистический методы, а также соответствием между большим тщательно проанализированным эмпирическим материалом и теми теоретическими принципами, которыми он объясняется.

Теоретическая значимость работы заключается в ее вкладе в синхронную и историческую диалектологию тюркских языков и, в конечном счете, в сравнительно-историческую тюркологию; в выявлении путей диалектного членения идиомов и соотношения этого членения с экстралингвистическими факторами.

Не вызывает сомнений практическая значимость работы для развития и преподавания тувинского языка, для разработки учебных курсов, для планирования дальнейших исследований тувинской диалектологии.

На этом общем фоне можно отдельно отметить некоторые частные достижения работы.

В главе 1 очень структурированно и ясно описана социо- и этнолингвистическая ситуация в Туве за последнее столетие; разработаны основные рекомендации по полевой и камеральной работе в области тувинской диалектологии.

В главе 2 точно и обоснованно выбраны дифференцирующие признаки в области тувинского вокализма. Здесь и по всей диссертационной работе выбрана чрезвычайно успешная табличная форма представления дифференциальных признаков.

Несмотря на наличие большого количества мелких замечаний по ходу изложения фонетических вопросов в работе, практически со всеми общими выводами, сделанными в соответствующих главах, можно согласиться. Нужно отметить, что это совершенно нетривиальные общие выводы.

Практически не вызывают упреков главы по диалектному словообразованию, словоизменению и лексике. Прекрасно проведен анализ диалектных словообразовательных аффиксов с красивым обоснованием происхождения части из них как синтезированных ранее независимых слов. Тщательно описаны числовые показатели, в том числе образование форм ассоциативной множественности. Приведены убедительные аналогии из якутского. Можно подтвердить, что показатель Pos2P1 *-нгыз* несомненно заимствован в говоры китайских тувинцев из казахского – судя по всему, он пропал еще в общем предке "тобаских" и "кыргызских" языков, см. Дыбо 2017.

Кажется убедительной гипотеза о сохранении в тувинских диалектах недифференцированного древнего дательного-местного падежа; хотя для ее более полного обоснования надо будет дополнительно выяснить по будущему диалектному корпусу условия употребления. Очень изящно проведен анализ литературных и диалектных форм на -мыш.

Замечательно написана глава по диалектной лексикологии. В ней с хорошим профессионализмом сочетаются собственно лингвистические и этнолингвистические рассуждения и материалы. Лексика названий жилища, скотоводческая терминология, терминология рыболовства и собирательства представлены как раз в том объеме, какой нужен для понимания лексической дифференциации диалектов. Исследованы и простратифицированы пути проникновения лексических заимствований из контактных языков.

При чтении работы обнаружилось некоторые неточности, упущения и дискуссионные моменты. На них также хотелось бы обратить внимание.

Основной методический недостаток – слишком легкая соблазняемость автора на далеко идущие историко-культурные выводы о суб-, ад- и суперстратном происхождении каких-то языковых явлений, которые в действительности могут происходить из-за внутрисистемных причин и быть просто типологически естественны. Так, например, на с. 94 сочувственно цитируется пассаж из "Региональных реконструкций", в котором предполагается, что образование вторичных долгих гласных в тюркских языках – результат влияния монгольских языков. Но это совершенно недоказуемо. Когда интервокальный согласный выпадает, стяженные долгие гласные – наиболее ожидаемый типологически результат. Новоуйгурский язык, в котором вторичных долгот нет, в части устройства своей вокалической системы демонстрирует сильное влияние ойратского языка. Карлукские и кыпчакские языки, в которых долгих стяженных нет, явно обнаруживают вторичное сокращение этих вторичных долгих, а не сохранение древней краткости. Монгольский субстрат тут привлекать не нужно!

На с. 95 предлагается "к классификационным признакам диалектов и говоров тувинского языка ... отнести долгий узкий гласный в форме =*ap*, долгий [a:] в анлауте отдельных слов". С нашей точки зрения, следовало бы также взять как классификационный признак исчезновения интервокального носового в определенных основах. Несмотря на то, что такое исчезновение типологически широко распространено (что дает автору основания причислить его к общетюркским явлениям), все же оно хорошо дифференцирует различные говоры (мы имели случай в этом убедиться на

материале хакасского языка) и уж конечно, являясь параметром межговорного варьирования в тувинском, не может быть возведено к праобщетюркскому состоянию.

На с. 95-100 при рассмотрении тувинской фарингализации автор приходит к выводу, что она является для тувинского интегральным признаком. Здесь не слишком удачным кажется слово "интегральный". Как пишет автор, фарингализованные гласные присутствуют во всех говорах тувинского языка, кроме тере-хольского. Уже это не позволяет считать фарингализацию интегральным признаком. Но дело обстоит еще сложнее. Говоря о тувинской и тюркской фарингализации, фонетисты используют это слово в двух разных смыслах. Собственно, с точки зрения общепринятой терминологии точнее было бы говорить о различных типах глоттализации, появляющихся в различных условиях в тюркских языках. Когда говорят о том, что тувинская фарингализация совпадает с тофаларской, но отличается от нее фонетически, имеется в виду, что некоторое, исторически одно и то же, явление (сохранение придыхательности первично сильных согласных после первично долгих гласных) привело к появлению двух фонетически различных типов глоттализации в тувинском и тофаларском. Тувинская фарингализация в литературном варианте произношения хорошо видна на спектрограмме, и выглядит как гортанный взрыв (вертикальная черная полоса) внутри гласной. Гортанный взрыв автоматически связан с описываемым И.В. Селютиной тоновым контуром – слабое падение и резкое восхождение. Ничего подобного не описывает В.И.Рассадин для тофаларского, там "фарингализация" – придыхательная (Lax) фонация. Но совершенно то же самое слышно на месте литературной тувинской фарингализации в Кунгуртуге! Естественно, тувинские исследователи эти гласные как фарингализованные не описывают, и отмечают для тере-хольского говора отсутствие фарингализации, при этом указывая на сохранение в интервокале сильных придыхательных согласных (которые в литературном тувинском ослабляются). Сохраняются интервокальные сильные придыхательные также и в тофаларском. Таким образом, мы в обоих этих случаях имеем нефонологическую (позиционно обусловленную) придыхательность, распространившуюся на соседние гласные. Интересно, что информанты младшего поколения в Кунгуртуге сохраняют придыхательность в тех же местах, что и старшие, но произносят "гортанную смычку" – литературную тувинскую фарингализацию, – в тех формах, где она выписывается в тувинской орфографии.

Поскольку исследования фонетистов Новосибирской школы продемонстрировали, что в тюркских языках Южной Сибири наблюдаются и другие виды глоттализаций – ср., например, в тубаларском, где соответствующее явление (на наш слух более всего напоминающее дагестанскую фарингализацию) проявляется в основном на месте

выпавших интер- и поствокальных гуттуральных, – нам казалось бы полезным добавить типы глоттализаций как именно дифференциальный признак при описании диалектов Южной Сибири вообще и тувинских диалектов в частности.

На с. 108-109 при описании междиалектного соответствия огубленных и неогубленных гласных смешаны по крайней мере три разных явления. а) Отсутствие губного сингармонизма в ситуации CVCVC, когда второй гласный узкий. Это явление хорошо знакомо в ряде кыпчакских языков. Собственно, это вариация для правил сингармонизма. б) в литературном – разогубление у в первом слоге после губного согласного (*быдаа* вм. *будаа*). в) (непонятное явление) в некоторых диалектах происходит разогубление начального у независимо от предыдущего согласного. Вероятно, их стоило бы рассматривать отдельно, также как дифференцирующие признаки.

Точно так же, на с. 109 автор смешивает описанное И.В. Кормушиным соответствие ОТ а – Тув. ы в корнях с диалектным варьированием ы – а в срединном слоге тувинской многосложной формы.

Сделав все эти смешения, автор делает не вполне правомерный вывод на с. 112: "Таким образом, соответствия гласных встречаются в любых позициях слова, а также на стыках морфем. Они разнонаправлены даже в пределах одного говора или диалекта, поэтому в них трудно найти закономерную последовательность". Это может быть действительно так, но лучше бы было дифференцировать при анализе принципиально разные случаи. В том числе, отдельно рассматривать соответствия в монголизмах, где различие рефлексии может зависеть от источника заимствования.

На с. 123 автор пишет: "Глухие согласные в тувинском языке функционируют в начале (сильные и слабые) и в конце (только слабые), в середине слова – рядом с другими глухими согласными или долгие. Особенности диалектов и говоров в этом отношении проявляются в том, что в тере-хольском диалекте оглушение интервокальных согласных сопровождается нивелировкой фарингализации вследствие падения напряженного согласного в основах типа *киши* вм. *киъжи* 'человек', *аш-чем* вм. *аъш-чем* 'всякая еда', *башым* вм. *баъжым* 'моя голова'. Оно отмечается также и в заимствованиях". Это описание совершенно неверно с исторической точки зрения. Во-первых, оно исходит из той неправильной априорной посылки (которая иногда проскакивает имплицитно и в других местах работы), что состояние литературного языка первично по отношению к состояниям диалектов. Конечно, тере-хольское состояние является первичным по отношению к литературному тувинскому – в нем еще не произошло автоматического интервокального ослабления сильных. (Автор полагает, что в тере-хольском оглушились слабые; этого никак не могло быть хотя бы потому, что не всем литературным тувинским

интервокальным слабым соответствуют терехольские интервокальные сильные: а(һ)тым 'лошадь', но адым 'имя'). Ср. тофаларский в описании В.И. Рассадина.

На с. 125 диссертант рассматривает междиалектное соответствие $m \sim b$ и приходит к выводу, что это "древнее диалектное явление, существовавшее еще в языке орхоно-енисейских памятников.... Такое соответствие встречается в большинстве говоров и диалектов, а также в тюркских языках ... Таким образом, соответствие $m \sim b$ мы наблюдаем как общетюркское фонетическое явление." На этом основании она отказывается рассматривать его как дифференцирующий признак. Но здесь опять смешаны две разных вещи, достойные отдельного картографирования. Наблюдаемое соответствие в древнетюркском позиционно: переход b в m обусловлен в отдельных диалектах положением перед носовым согласным. Соответствующие правила, кстати сказать, разные в разных тюркских языках и диалектах, также достойны использования как дифференциальные признаки. Но то, что автор приводит как тувинские междиалектные соответствия, беге – меге, бургу – мургу – случаи не перед носовым, это другой параметр междиалектного варьирования.

Не слишком удачно выражены мысли автора и ниже, где речь идет о междиалектном варьировании $k \sim x$, $t \sim d$. Опять же, возможно, что беспорядочность междиалектного варьирования – кажущаяся, т.к. не рассматриваются отдельно а) исконные слова и заимствования; б) случаи, когда в основе слова имеется чередование начального придыхательного – непридыхательного в зависимости от открытости – закрытости следующего слога, игнорируемое тувинской орфографией. Вероятно, этот вопрос заслуживает дальнейшего исследования.

Вообще, в разделе о консонантизме много случаев, когда, вопреки автору, следует расценивать некоторое явление не как "явление" в диалекте при сохранении состояния в литературном языке, а наоборот. Кроме того, следует помнить, что влияние адстрата (например, монгольского) могло бы вызвать падение различия в исконных словах, но не могло бы вызвать возникновение дифференциации в исконных словах.

Явно более сложен, чем авторское описание, вопрос об ударении в тувинских диалектах (с. 135-137). Как показывают позднейшие фонетические исследования, редукция гласных вовсе не обязательно связана с силовым характером ударения. Ударение на первом слоге тувинских глагольных словоформ в ряде случаев связано с разным временем синтеза словоформы, когда часть формантов в акцентном отношении продолжают функционировать как клитики. В любом случае странно считать, что при изменении характера ударения некоторые формы случайно, а не по каким-то причинам, не подчинились этому изменению. Вопрос еще ждет дальнейшего исследования.

На с. 180, рассматривая тувинское вопросительное местоимение *чуу* 'что', диссертант пишет: "В остальных тюркских языках Сибири используется местоимение *не*". Это неверно: ср. як. *tuoq* (*suox < **če-gu+ok?*); тув. *čü(ve)* (*če-gü, *čegü-me < *ne-gü, форма, засвидетельствованная в др-уйг.); тоф. *čü*; хакас. *nimä*, *ноо*; шор. *nõ*; куу *не*, *тбу*, *тбу*, *тбуг*; куманд. *či*, *čügi*. Этот набор форм, скорее, противоречит гипотезе о заимствовании тувинского местоимения из монгольского.

На с. 185 речь идет о финитном показателе 1P1: "Форма на =к характерна для огузских языков. Вероятно, в АД сохранилась древнеуйгурская форма, являющаяся отличительным признаком АД от ЛТЯ и других диалектов". Разумеется, это неверно. Как известно, показатель -к отсутствует в руническом, древнеуйгурском и, как показал Д.М. Насилов, у Махмуда Кашгарского. Форма на -к – огузо-кыпчако-карлукская, халаджская и алтайская, ее нет в чувашском, в тобаской и хакасской группах, в якутском. Так что в алтайском диалекте тувинского это может быть либо немислимым архаизмом – единственным во всей группе, даже по сравнению с древне-уйгурским, что маловероятно; либо, что гораздо проще, влиянием казахского либо алтайского языка.

На с. 187 грамматикализация вспомогательных глаголов состояния связывается с сомнительной "кыпчакизацией" сибирско-тюркских языков, "временем господства на этой территории государства древних кыргызов, то есть с середины IX века по XII век. Именно в этот период сформировались в указанных языках формы с четырьмя вспомогательными глаголами, передающими значение продолжительности действия." Конечно, ни про древних кыргызов нет оснований полагать, что они были кыпчаками по языку, ни у тувинцев нет никаких признаков языковой "кыпчакизации". Автор, впрочем, правильно полагает, что "процесс десемантизации и дифференциации значений этих 4 вспомогательных глаголов происходил уже на тувинской почве". Действительно, это не кыпчакизация, потому что *jat-* как вспомогательный глагол вовсе не характеризует все кыпчакские языки, а напротив, для многих из них все-таки более десемантизованным является, как и для тувинского литературного, *тур-*. Рефлекс **jat-*, наоборот, наиболее десемантизованный глагол для хакасской и контактной с ними алтайской подгрупп. Кроме того, мы видим в тувинском алтайском диалекте форму *чым-*, а не *чат-* или *тьат-*, таким образом, это не заимствование из алтайского или условно хакасского языков, но, возможно, структурное заимствование, калька новейшего времени.

Высказанные замечания носят, по большей части, дискуссионный характер и никоим образом не снижают высокой научной оценки диссертации. Скорее, нам хотелось бы, чтобы Мира Викторовна приняла их во внимание в своей дальнейшей научной деятельности. Новизна, актуальность, теоретическая и практическая значимость работы

несомненны. В целом выводы и результаты, полученные в ходе работы, следует трактовать как вклад в теорию и методологию диалектологических исследований в тюркологии.

Автореферат и опубликованные автором работы с достаточной полнотой отражают содержание диссертации. Диссертационное исследование М.В. Бавуу-Сюрюн соответствует всем требованиям, установленным в пунктах 9–11 «Положения о присуждении ученых степеней» (утверждено постановлением Правительства Российской Федерации от 24.09.2013, № 842), предъявляемым к докторским диссертациям. Ее автор, Мира Викторовна Бавуу-Сюрюн, безо всякого сомнения, заслуживает присуждения искомой степени доктора филологических наук по специальности 10.02.20 – сравнительно-историческое, типологическое и сопоставительное языкознание.

Зав. Отделом урало-алтайских языков
ФГБУН Института языкознания РАН

д.ф.н., чл.-корр. РАН Дыбо А.В.

141018 Моск. обл., Мытищи,
Новомытищинский просп. 31-2-23
adybo@mail.ru

